

Роман Трикляние

Анна Горяинова

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Анна Горяинова

Последнее лето

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070181
ISBN 9785447446451*

Аннотация

Москва, зима, аэропорт Домодедово. У стойки маленькой арабской авиакомпании встречаются 8 человек, решивших навсегда изменить свою жизнь. Причины у каждого свои, маршруты тоже. Однако из-за накладки в аэропорту все они оказываются в одном самолете, приземлившемся в богом забытом городке. Пытаясь добраться до цивилизации, герои попадают в Д****д – один из «свободных городов» в Сахаре. Он появился во время большой войны в регионе, и официальные власти страны о нем забыли...

Содержание

Зал ожидания	5
1	5
2	9
3	10
4	11
5	15
6	17
7	19
8	25
9	28
10	30
11	32
12	33
Баар	37
13	37
14	39
Город	43
15	43
16	48
17	51
18	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Последнее лето
роман-приключение
Анна Горяинова

© Анна Горяинова, 2016

© Надежда Кабанова, дизайн обложки, 2016

© Надежда Кабанова, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зал ожидания

1

Если хочешь исчезнуть, нельзя упускать правильное время. А то кто-нибудь попадетсЯ на лестнице и спросит, когда ты вернешься. И придется что-то соврать, а врать рано утром очень противно.

Телефон показал пять утра. Где-то на краешке неба опаловым светом светился рассвет.

Я нашарила на ковре пульт от стерео и нажала на play. Заиграл Oasis. Wonderwall. Идеальная песня для зимнего неба и первых часов утра.

На столе экран ноута отсвечивал моей статьей. Ее только что опубликовал модный блог. Я ее просто наговорила, писал редактор. Я же не люблю писать. Слово – очень грубый и ограниченный инструмент. Он подходит для передачи простой информации. «Пришел, увидел, победил». Или «Осторожно, там пожар». Это факт, это правда, это общая реальность. Все остальное – попытка рассказать свою реальность другому. Для этого подходит только цвет. А буквы обычно – черно-белые. Но рисовать что-то стоящее я давно разучилась. Однажды ночью, три года назад, когда где-то внутри меня кончились краски. Остались только эти две – черная

и белая. И последние силы у меня уходят на то, чтобы не дать им смешаться.

Я взглянула на экран и снова перечитала статью:

«У успешных синглов хорошая работа, дорогое жилье, любимое дело, и даже порой не одно. Сингл, когда звонит в службу бронирования, уточняет: «На одного, пожалуйста». Ну или чаще так: «Single, please».

Сингл еще достаточно молод, чтобы чего-то и кого-то хотеть, но и уже достаточно вырос, чтобы ни от кого ничего не ждать.

Синглу нравятся красивые люди. Он или она даже иногда берет такого в свой односторонний съют на выходные в Европу или на закрытую премьеру Вонга Кар Вая.

Сингл часто встречает рассветы один.

Сингл, возможно, когда-то был даблом. Бежал с работы домой, покупал семейную машину и хотел детей. Но потом все кончилось. И начинать тебе больше не хочется.

Ты столько трудился над своим миром. Ты снова сделал все так хорошо и красиво. Тебе не нужен некто, который придет и будет все рушить. Ты и так еле выбрался в прошлый раз.

И теперь тебе нужен партнер. Не домработница, не повар, не слесарь-водитель и не экзотическое растение. Партнер. Который не будет лезть руками в твою стройку, а начнет спокойно строить рядом. А потом вы сделаете между башенками мост и будете ходить друг к другу в гости».

За пять лет в квартале успешных синглов я видела много башен и башенок. Но мало мостов. Наверное, для них нужно время. А может быть, просто не все башни равны по высоте... Свой последний мост я сожгла вчера. И сегодня мне больше нечего делать в квартале успешных синглов.

Я подняла глаза и посмотрела за экран, в окно. Туда, где квартал успешных синглов подрагивал во сне, мигая редкими огоньками окон, за которыми кто-то нервно не спал, не рисовал, не писал, не жил.

Поспать... Но нет уж. Если отправляться в путь, то именно так, в пять утра, под опаловым небом, закинув компьютер и паспорт в пустой рюкзак, а ключи – в почтовый ящик соседа. Который, быть может, польет мой баньян и допьет бутылку бургундского в баре. А когда надоест, сдаст эту комнату кому-то другому. Вместе со всем старым хламом, включая коллекцию тувель, гитару и матрас для кота. Которого я так и не завела.

Еще я оставляю свои картины. Перед уходом леплю на одну из них стикер. На желтой бумажке вывожу: Гошану. Так зовут соседа. Гошан – писатель. Его рассказы короткие и в них нет финала. Меня это бесит. Гошан говорит, это бывает, когда страшно придумать свое продолжение. Бывает. Наверное. Только не от того, что страшно придумать. А просто придумывается страшное.

«Ночные мосты» – этому засранцу. Остальные картины пусть раздарит, или продаст, или я не знаю, и мне наплевать.

Все, что я знаю сегодня, это что цифра на моем счету хороша. Что в паспорте еще много пустых страниц. И что от холодного воздуха и безграничного неба, оказывается, рано утром перехватывает дыхание.

Скоро в город придет Новый год. А этой ночью в него пришел дождь. И замерз под утро на деревьях и проводах. И все стало стеклянным и сказочным. Хрупким и еще более ненастоящим, чем обычно.

По пустому стеклянному бульвару медленно едет такси, мигая зеленым зрачком. Они здесь не редкость – в этом районе жильцы уходят поздно, возвращаются рано, задерживаются ненадолго, и, по большей части, не имеют водительских прав.

Я поднимаю руку. Водитель похож на старого хитрого тролля из сказки, которой пугают белобрысых норвежских детей.

– Куда едем?

– В аэропорт.

– В какой?

– Не знаю. В любой. В смысле... В «Домодедово».

Троль только хмыкнул в шарф. Здесь много чудных клиентов – привык.

2

До аэропорта остался километр. Мы едем его третий час. Радио не работает. Телефоны тоже. Навстречу по обочине движутся люди с чемоданами. Пешком.

– Вон там есть разворот. Может, поедem обратно в город, сдашь билет, завтра полетишь?

В обратную сторону тоже тащится вереница машин. Так же медленно. У тех, других, впереди холодный город, покрытый льдом и туманом. У меня – опаловое небо. Без номера рейса и багажа.

– Нет, едем вперед.

– Окей... – пожимает плечами мой сказочный таксист.

3

У входа в аэропорт творился ад. Выйдя из такси, я достала сигарету. Тролль тоже вышел и закурил. К нам подбежал растерянный парень с большим баулом.

– Вы такси?! Сколько стоит до Москвы?!

Мы с троллем переглянулись в удивлении.

– Ну полторы... – неспешно протянул тролль.

– Вы подождете, я за женой с ребенком сбегая?! Подождете?!

– Подожду, – сказал изумленный тролль в спину парню, – Странный какой... Последний раз предлагаю: поехали с нами обратно?

– Спасибо. Нет. Я полечу.

– Ну что ж... Удачи тебе.

Я выкинула бычок и стала проталкиваться к дверям.

4

Черное неработающее табло международного аэропорта – это, оказывается, одно из самых жутких зрелищ на свете. Пассажиры стекались к нему из разных концов темного здания и жались друг к другу, в страхе вглядываясь в мертвый экран. Что там случилось снаружи? Война или внезапный конец цивилизации?

А снаружи тихо падал снег, заноса подъезды к аэропорту «Домодедово». В котором настал конец света из-за обрыва кабеля где-то в глухом подмосковном лесу.

Сунув в карман бесполезные нынче паспорт и кредитку, я пошла бродить по зданию. Мне не встретилось никого из персонала или полиции. В голове крутилась странная идея, что они все тоже работали от розетки и застыли теперь в странных позах где-то в недрах «Домодедово»...

В одном из переходов на меня из тьмы выскочила перепуганная стюардесса. И пронеслась мимо, быстро исчезнув в неосвещенном коридоре.

Вокруг все было тихим и неподвижным. Как будто гигантский аэропорт вдохнул и задержал дыхание.

– Похоже, входы и выходы не охраняются – все смылись. Можно выйти на летное поле и потрогать самолет...

Голос принадлежал бородатому парню. Он стоял у стойки арабской авиакомпании, и разговаривал с грустной брюнет-

кой.

– Привет, – зачем-то сказала им я.

– Ну как же... Ведь ребята ждут в ****ре. Мы все договорились там встретиться. А у меня даже телефон не включается! – девушка не обратила на меня внимания. Она в таком отчаянии стучала пальцем в экран, будто надеясь, что ей оттуда в конце концов скажут «Заходи, открыто».

– Привет, – сказал мне парень, – Я Дима.

Брюнетку звали Рита. Она раньше была секретаршей в банке. Однажды Рита собрала по скайпу тусовку людей из разных стран, чтобы поехать путешествовать в Эфиопию. Потому что вместе не страшно. Из банка пришлось уволиться: отпуск на месяц ей дать отказались.

– Но это ничего! Все равно пора было что-то менять. Я вообще-то антрополог по образованию... – девушка наконец отложила телефон и мы разговорились.

Голос Риты звучал мягко и грустно, и был похож на падающий за окном снег. Главная проблема была совсем не в банке, а в том, что чуваки – один из Дубая, второй из Шотландии, третий из каких-то всемирных выселок типа Бангладеш – друг друга в глаза никогда не видели.

– Мой рейс опоздает, они потеряются, наше путешествие сорвется... – вздыхала Рита.

– Значит, каждый начнет свое – ответил невозмутимый Дима.

Казалось, рухни мир ему на голову, Дима просто стряхнет

крошки с плеча и будет дальше смотреть в окно на заинде-
вевшие хвосты самолетов.

Он летел через тот же ближневосточный город ***р в Ла-
тинскую Америку: «Знакомый работу обещал, водителем
в агентстве. Если нет, то просто пошляюсь по джунглям,
а там будет видно».

Еще через час выяснилось, что Дима был генетиком,
и до сегодняшнего дня работал в каком-то научном учрежде-
нии.

– Уволился вчера, – лаконично сообщил он. Мы почув-
ствовали, что спрашивать дальше не стоит.

Постепенно к нам подтянулись девочка-кайтер Ася, ле-
тящая кататься в Марокко, и симпатичная пара в дредах,
с большими рюкзаками и мальчиком лет десяти.

Последним из тьмы возник Дэн, неразговорчивый парень
в очках.

– В двадцать первом веке живем. Максимум час-два, и все
включат – уверенно бросил он, на секунду оторвав взгляд
от планшета. Из-под рукава свитера блеснули дорогие часы.
Свитер был неброский и тоже недешевый.

– Ой, у вас есть Интернет! – встрепенулась Рита. Все
остальные уже час говорили друг другу «ты».

Парень бросил на нее быстрый взгляд.

– Нет, к сожалению. Я книжку читаю.

Рита расстроено вздохнула. Я тоже.

Я решила купить билет на этот рейс. Это можно было

элементарно сделать через телефон. Но, конечно, не сегодня. Вместе с электричеством аукнулась и мобильный связь. По терминалу ходил слух, что обесточило весь город, или вообще всю страну.

Аэропорт начинал потихоньку выдыхать, шуметь и шуршать по углам неясными тенями и шепотами.

Кто-то пробежал рядом и сказал, что у стоек регистрации в другом конце здания раздают бесплатное мороженое.

Мы молча посмотрели на падавший за окнами снег.

Ни одного служащего по-прежнему не было видно.

От нечего делать я приглядывалась к загадочному Дэну. Похож на тигра. Голос – низкий, глубокий. Сексуальный даже. Как тихое, уверенное рычание. Он-то что забыл на этом нищевродском рейсе, летящем в пыльную столицу небогатого государства?.. – подумала я. Но спросить не решилась. Наверное, надо по делу.

У меня в нищевродском государстве дел особых не было. Но, если уж вошел в аэропорт, уходить из него пешком как-то глупо...

Прошел еще час. По ту сторону стойки авиакомпании так никто и не появился.

5

– Смотрите, там свет! – сказала Рита. – Ну вот, уже все починили!

Однако большое табло так и оставалось мертвым.

– Уважаемые пассажиры – раздалось тут с потолка – Мы подключили резервный генератор. Аэропорт работает в аварийном режиме. Все вылеты на сегодня отменяются. Входящие рейсы принимают другие аэропорты. Просим пассажиров и встречающих по возможности покинуть здание. Мы оповестим вас об изменении ситуации по смс и электронной почте.

За окном сквозь метель светились две полосы огней. Красная – в сторону города. Белая – в сторону «Домодедово». Две огромные, совершенно неподвижные очереди из желающих улететь и уехать.

– Страна чудес, твою мать. Вы как хотите, я домой – сказал Дэн.

– Кхм – кашлянула я, кивая в сторону пейзажа за окном. – Вы уверены, что есть шанс?

– Шанс есть всегда. Не торчать же здесь неделю, уеду уж как-нибудь. Всем пока – и мрачный Дэн растворился в аэропортовом полумраке.

– Домой... – произнес Дима и как-то грустно усмехнулся. – А мне вот некуда возвращаться. Только вперед теперь...

– И вверх... – кивнула Рита. – Меня родственники и так чуть живьем не съели с этой Эфиопией. Если вернусь, второй раз из дома не выпустят.

– Какая разница, где ночевать, здесь или в пробке – сказала Ася-кайтер, – И вы представьте, что за срань начнется, когда все эти курортники с путевками получат свои смски и побегут обратно в аэропорт? В дверь же не войдешь! Не, я здесь подожду.

Я молча пыталась прорваться сквозь едва работающую связь к сайту небольшой арабской авиакомпании.

Откуда-то запахло кофе.

– Похоже, кафешки заработали. Пошли поедем чего-нибудь? – рыжая Ася теребила молнию чехла кайтовой доски, на котором сидела.

– У тебя есть наличка? – удивилась я.

– Нет почти. Рублей сто, может, наскребу...

– Тогда мы с тобой в обломе. Связи ж нет, карточки не работают.

– У нас есть сыр... – переглянувшись, тихо сказали приятные чуваки в дредах. – Бри. Французский. Килограмм.

– Фу, мама, зачем вы взяли эту гадость! – скривился мальчик.

– Потому что кому гадость, а кому и радость. Я вот моцареллу не люблю, а роллы тебе с ней все равно готовлю – терпеливо объяснила ему мама.

– У меня есть медицинский спирт. Пол литра – с задумчивым видом сообщил Дима.

Я молча достала из рюкзака пакет чипсов и положила на стойку.

– Ну, чем могу... – сказала Ася и положила рядом полупустой кулек семечек «От Мартина» и пачку сигарет.

«Е... твою мать суки понаставили тут» – раздалось внезапно совсем рядом. Это кто-то нервный споткнулся о багаж.

Вокруг впотьмах бродил народ и периодически ругался матом по какому-нибудь поводу.

– А пошли на второй этаж. Там и людей всегда меньше, и присесть вроде можно – предложила я.

Ну и еще наверху обычно бывает теплей.

Наверху было тихо. Правда, кресла оказались заняты спящими пассажирами.

Зато пол был свободен – по крайней мере, по нему никто не шлялся кругами, матерясь. Мы кинули на него спальник, його-коврик и кайтовую доску. На этом, оказалось, можно прекрасно устроиться шестерым взрослым людям с полулитром медицинского спирта.

Мелкому Яну мы выдали всю имеющуюся мелочь и отправили по кафешкам на разведку. Через полчаса он вернулся с пакетиком сока, который по стоимости был вполне сопоставим с бутылкой виски.

– У нас был ресторан в ...й области. Закрывать пришлось. Долго расстраивались. За то, чтобы сохранить дело, нужно было давать такие взятки... Честно – дело даже не в деньгах. Просто как увидели эти рожи чиновные... Пришли домой позавчера вечером, сели вдвоем... И решили, что лучше возьмем все деньги, и поедем путешествовать. Может, на месяц, может, на год, фиг знает. Как пойдет – Лия, мама Яна, зажмурилась и одним махом выпила порцию спирта из пластиковой пробки. Она говорила, не по-столичному растягивая гласные.

– А я карпов, блин, разводил!.. – излишне громко сказал Дима. Он был уже изрядно пьян. – Слышали о Всемирной

фармакологической конференции? Во всех новостях было два месяца назад.

– Это где про лекарство от рака говорили? – вспомнила я. – Русские же по-моему ученые как раз выступали там?

– Да. Я и выступил. Читал наш доклад.

Мы в шоке уставились на Диму.

– Так оно есть? – благоговейно спросила Рита.

– Оно могло бы быть. Но его не будет – Дима смотрел в окно на падающий снег. Он почти протрезвел. Его спокойный тон звучал страшно.

– Вот это да... – замороженно сказала Лия, – Значит, теперь таким людям можно помочь?

– Нельзя никому помочь, – ответил Дима, – Тем более теперь...

– Почему? – удивился Марк.

Дима сделал большой глоток из фляжки, посмотрел на снег и сказал:

– После доклада такая поднялась буча... Мы ехали и думали, что сейчас нас завалят предложениями. Столько лет бились, работали в институте за три рубля – ради лаборатории, вкладывая в исследования свои деньги. Ночами и выходными работали. А днем я телефоны в Евросети продавал... Китайские...

– Так оно есть... – тихо проговорила Рита. Казалось, про Евросеть она не слышала.

– Если коротко, то есть особый ген, отвечающий за му-

тацию клеток. И его можно контролировать, – Дима тоже на время забыл про китайские телефоны, – Мы вели тестирования на карпах. Результаты – сенсация... При хорошем финансировании мы могли бы продвигаться достаточно быстро, чтобы успеть спасти сотни жизней... После выступления, вечером, нас пригласили на неофициальную встречу в шикарный ресторан и популярно объяснили, что мы, конечно, молодцы. Но ни один концерн, производящий лекарства для поддержания остатков жизни больных раком не будет вкладываться в проект, который убьет весь бизнес... Бизнес, это, конечно, очень важно. Бизнес должен жить, блядь...

Все снова замолчали. Беспольный телефон показал время – 18.30. Вокруг стало очень тихо и уже по-вечернему темно. Красно-белые полосы неподвижно тянулись сквозь метель за окном. Аварийный свет, видимо, работал только внизу. Если вообще еще работал.

– А как же карпы? – неожиданно спросил Ян.

– Сдохли... – сказал Дима, тоже каким-то неживым голосом.

– Так, слушайте, друзья. Что-то слишком у нас тут мрачно – голос Лии, наоборот, звучал очень решительно – У кого была зажигалка?

У Лии в рюкзаке оказался большой пакет с чайными свечками и благовоньями. От этого охренел даже ее муж Марк.

– Ну да, сыр ты тоже просил выкинуть... – протянула Лия. Ян радостно бегал вокруг, расставляя по полу свечки. – Ян,

давай ты сделаешь из свечей дорожку от лестницы к нам? Вдруг кому-то мы нужны, а он найти нас не может.

– Да кому мы тут нужны – проворчал Дима, улыбаясь сквозь бороду. Он держал только что зажженную свечку, и огонек, отражаясь, озорно прыгал в его глазах.

– Никогда не знаешь наверняка... – задумчиво произнесла Лия, глядя на маленький свет в своей ладони.

Дима достал из рюкзака красивую резную дудку.

– Шаман один подарил, на Алтае. Говорит, волшебная – гармонизирует пространство.

– Играть-то научил? – недоверчиво спросил Ян.

– Сейчас узнаем – усмехнулся Дима.

Звуки странной мелодии кружились по залу ожидания, сливаясь с неверными отблесками свечей и ароматом сандаловых благовоний. Мы стали похожи на тайный орден, собравшийся помолиться своему богу.

– Знаешь поговорку: «Чтобы насмешить бога, расскажи о своих планах»? – сказал мне Марк, пока мы зажигали свечки – Мне в детстве казалось, что существует какой-то отдельный, специальный смеющийся бог. И когда все твои планы рушатся, нужно быстро поднять голову, чтобы успеть сквозь тучи увидеть его улыбку.

– Эй, рейс 7230 Москва-***р, это вы? – раздалось вдруг из темноты.

– Дэн? Ты ж домой уехал? Сюда-сюда, иди на огоньки! –

закричали мы.

Из тьмы, сверкая очками и часами, возник Дэн. Дима по-двинулся на його-коврике, освобождая место.

– Как хорошо, что вы сюда догадались пойти. Внизу сплошной ад – народ дерется за место, да и просто так уже, по-моему.

Дэн не смог выбраться из аэропорта:

– Экспресс стоит на рельсах на полпути до Москвы. На дороге до города пробка, отсюда начинается. Таксист заломил денег – до Казани можно долететь. Бизнес-классом, блин. Ладно, пришел в аэро-отель. Эти меня вообще убили: света нет, воды нет, отопления нет. Мест тоже нет...

Дэна почти трясло. Дима протянул ему фляжку с остатками спирта. Дэн добил согревающий запас одним глотком.

– А пожрать че есть? – спросил он. Ася протянула Дэну семечки. Все остальное мы к тому моменту уже прикончили.

– Внизу бары работают. Тоже при свечах. Пошли? Вместе больше донесем – энергично затряс Диму Дэн. Мы посмотрели на него с сожалением.

– Ты не сможешь... – начал Дима.

– Так, понятно. Окей, вы, главное, никуда не уходите. Искать потом замучаешься.

– Сейчас расстроится чувак... – грустно сказал Дима, когда Дэн унесся в Ад Нижнего Мира. Так мы успели окрестить первый этаж «Домодедово». – Забыл, что карточки от свечей не работают.

– Уважаемые пассажиры! – бодро раздалось над головой. Мы только что не подпрыгнули – Напоминаем вам, что по правилам безопасности на борт нельзя проносить колюще-режущие предметы, в том числе маникюрные ножницы – продолжил голос. Затем он повторил объявление на английском и еще на каком-то странном языке. И затих.

– По-моему, это казахский – сказала Рита, в некотором шоке разглядывая в окно темное взлетное поле без признаков жизни и замороженные самолетные хвосты.

Никто никуда не летел, и мы продолжали сидеть, уже молча и почти в темноте.

– Эй, вы еще здесь? Помогите кто-нибудь, возьмите пакеты! – раздалось тут из тьмы.

Вид Дэна, увешанного пакетами с едой и обнимавшего ящик вина, поразил нас даже больше, чем казахское объявление.

– Как?.. Карты же не?... – ошарашенно спросили его практически одновременно все.

– Знаете, как англичане говорят? «Кто хочет – ищет возможность», блин... – сообщил Дэн, пропихивая ключом пробку в бутылку «Кьянти».

В креслах на нашем этаже спали, как оказалось, дайверы. Эти невозмутимые люди летели в африканскую страну с подозрительным названием, похожим на слово «диарея». Дайверы пришли к нам с гитарой и час пели что-то про механика, застрывшего в шасси. Потом выпросили свечек и отпочковались с ними в другой конец зала ожидания. Темных углов вокруг стало меньше.

Ночью мы почти не спали. Что-то внутри аэропорта окончательно сошло с ума. Каждые полчаса загорался свет и железный голос рассказывал про казахские маникюрные ножницы. Через несколько секунд свет затухал.

Мы с Дэном караулили интернет. Ближе к рассвету цифровой бог смилостивился и остался с нами на целых десять минут. За это время мы прочитали новости о том, что в Домодедово все под контролем, и самолеты вот-вот залетают. Подконтрольный неведомо кому голос снова попытался высказаться с потолка, но захлебнулся на полуслове. «Сломался...» – предположил Дэн.

Я купила билет на рейс в ***р, улетевший вроде как вчера. В призрачном колыхании теней и света время исчезло. На нашем этаже не было ни сегодня, ни завтра. Только ожидание полета. В окна постучался очередной бледный московский рассвет.

Утром я пошла чистить зубы в туалет на первом этаже – наш оккупировали дайверы.

В Аду Нижнего Мира творился вполне реальный ад. Пьяные лица. Разбитые лица. Усталые лица. Спящие – везде, на полу, на креслах, на чемоданах. Холод собачий. Странно, почему такая разница – ощущение, что у нас наверху топят, а здесь нет...

Пробираясь к туалету, я перешагнула через чью-то сумку. «Ах ты сука! Х-ли тут расходилась, тварь!». Огромных размеров бабища в шубе, визжа, ломилась ко мне, наступая на чужие ноги, руки и чемоданы. Вид у бабищи был безумный. Я рванула в сторону туалета бегом.

Странно, но гоблины с первого этажа так и не додумались подняться по лестнице. У нас по-прежнему было хорошо и спокойно. Похоже, Дима все-таки гармонизировал пространство и его музыкальный шаманизм до сих пор работал, заслоняя нас от безумия.

Безумие, правда, донеслось до нас во время очередного выхода в интернет. «Ситуация в аэропорту Домодедово полностью контролируется. По словам директора аэропорта, пассажиры обеспечены всем необходимым. Желающим бесплатно выдают горячий чай и бутерброды...» – зачитал Дэн – «Десять баксов за бутерброд – это теперь называется бесплатно? И где они, интересно, горячий чай без электричества взяли».

– И куда его дели? – спросил не по годам ехидный Ян.

Я передернулась, вспомнив замороженный Нижний Мир.

– Хоть бы кулеры с водой в залах поставили, уроды... – вздохнул Марк.

«Уважаемые пассажиры! Напоминаем вам, что на борт запрещено проносить колюще-режущие предметы...»

– Заткнись! – хором сказали мы с Асей, обращаясь к потолку. За ночь заботливая электрическая женщина вынесла уважаемым пассажирам весь мозг.

Еще через сутки мы покинули аэропорт. Эти двадцать четыре часа я помню обрывочно. Как кадры кино, которое смотришь, из последних сил борясь со сном.

Драка на регистрации.

Духота в переполненных залах.

Теплое шампанское, купленное на последние деньги в дьюти-фри. Питьевая вода стоила в три раза дороже. Мы пили его, сидя на полу под плакатом «Приносим извинения за доставленные неудобства». Вылет отложили в сто пятый раз. Мигающий, неверный свет. Только не вздумай снова погаснуть, не смей...

Меня спасало совершенно отрешенное состояние. Уже несколько лет я наблюдала мир со стороны, и он не вызывал никаких эмоций, кроме легкого недоумения.

Спроси меня – хочешь завтра сдохнуть? Ответ был бы «а что не сегодня?». Мне и правда было плевать.

Но в тот момент, когда мы зажигали свечи в зале ожидания и Дима играл на флейте... Я смотрела на лица, по которым плясали тени и свет. Что-то громко бухнуло внутри, застучало по ребрам, прокатило теплую волну по спине. Железный голос вдруг коротко хохотнул над головой. И вместо казахских слов мне послышалось: «А ты ведь живая...!». Я быстро подняла голову. В зале опять погас свет. По потолку

пробежал странный бледно-золотой отблеск.

...Перепуганные стюардессы на посадке. Оружий на свиту благим арабским матом капитан. Почему-то он был в военной форме.

Закутанные в платки женские лица. Спящие смуглые дети. После 48 часов в Домодедово все пассажиры похожи на бомжей, или на цыганский табор.

Дима и Дэн заплетающимися языками спорят о теории мирового заговора.

– Эй, ты в порядке?

– Я? В случайном.

Кто-то все время оказывается рядом со мной. И я все время оказываюсь рядом с кем-то.

Открыт наш гейт. В это почти никто не верит, но это так.

Посадка. Табор уходит в небо по трапу А-320.

Взлетаем в рассвет. Где-то внизу еще видны неверные огни обледенелого города. Они исчезают, как чужое воспоминание. Город-призрак, прощай. Прощай навсегда.

10

– Где моя кайтовая доска? – говорит Ася, стоя у пустой ленты транспортера.

– Меня больше интересует, где я... – мрачно произносит Дэн.

Мы прилетели не туда. В суматохе борт выпустили из Домодедово, объединив рейсы за три дня. И вместо столицы, мы внезапно оказались в каком-то пыльном ближневосточном Зажопинске. Здесь время заснуло, и никто ничего ни о ком не знал.

Багаж пропал, так же, как и стыковочные билеты у ребят. Теперь они не могли лететь дальше. По крайней мере, отсюда уж точно.

Зато везде можно было курить.

Ася курила.

Дима осоловело трезвел в углу.

Дэн ушел умываться, дорогой громко пнув урну и матюгнувшись.

Единственное разумное существо среди нас – десятилетний Ян – пытался вылезти в Интернет с моего телефона.

Я купила пачку местных сигарет. На ней была криво нарисована мифологическая женщина. Вкус у них был сладкий и резкий. И не было фильтра. Через две затяжки я поняла, что не могу от них оторваться.

Интернет не работает. Багажа нет. Английского никто здесь не знает. Все выяснили, пора, наконец, отсюда выбираться.

Снаружи горячий воздух и бетон. Желтое, синее, белое. Стеклянная дверь взлетно-посадочного мира давно закрылась. За спиной – теперь только свои крылья. Расправить их и вперед, в низкое небо над пустыней. «*Don't look back...*» – внезапно говорит мне мой плеер. Один наушник в правом ухе. Всегда. Городская привычка.

Какой-то старый человек долго смотрит на нас, потом берет Диму за руку и спрашивает: «Бус? Сити?». Дима грустно кивает бородой. Мы плетемся за дедом сквозь полусон и жару, садимся в ободранный автобус.

Он такой старый, что ездит сквозь время. Он увозит пассажиров туда, где из века в век древняя молитва слышна с минарета. Где живут забытые в детстве ковер-самолет и сказочный джинн. Где происходят чудеса – всегда, и никогда – новости из Интернета.

Горячий ветер гладит лица сквозь открытые окна. Пронзительное небо отражается в черных очках-авиаторах. Уже трудно поверить, что где-то может случиться дождь. Что где-то вообще может что-то случиться.

Автобус, чихая пылью, плетется по пустыне. Под вечер мы въезжаем в какой-то большой город и встаем в диковинную пробку из ослов, верблюдов и ржавых фольксвагенов-жуков. Жуки, вздыхая, ползут через мост, навстречу огненному закатному шару, который вот-вот скатится с горизонта на блестящую ладонь реки.

– Здесь есть аэропорт?

– *No*.

В перерывах между городами Дэн узнает, что сделка, на которую он летел, сорвана, а его уволили с работы. Ну и хер с ними, говорит Дэн, и пытается покурить на заправке...

Ася, пережив сто двадцать шестую попытку узнать о судьбе нашего багажа и своей доски, плюет на это дело и успокаивается.

Лия и Марк отобрали у Дэна планшет. Типа для Яна, чтобы было, чем занять ребенка в дороге. Ага, пятый час сами играют на нем в какую-то хрень, громко ругаясь.

Ян подружился с арабом-водителем и тусуется в кабине.

Дима большую часть времени спит, обняв рюкзак.

Я слушаю *Tiesto* и рисую в блокноте придорожные низкие горы и лица соседей.

Где мы? Куда мы едем? А черт его знает... Просто едем.

Большой город кончился, кругом снова пустыня. Уже ночь. Интересно, а у этого автобуса вообще есть конечная остановка?..

Свет в салоне давно выключен, только мерцает экран – в телевизоре идет арабское кино. Мне симпатичен актер, который играет главную роль. У него сухое, очень живое и подвижное лицо. Он все время попадает в неловкие ситуации, над ним все смеются, и мне его жалко. Я внимательно слежу за развитием сюжета, пока не засыпаю.

Просыпаюсь я от удара. Кругом крики, грохот, какая-то беготня. Автобус стоит.

– Что случилось? – спросила я у Дэна, оказавшегося поблизости.

– Да хрен знает – я спал.

Двери открыты, и мы выходим на улицу. Авария. Автобус столкнулся с какой-то железной ремонтной херней. Рабочие забыли ее посреди дороги. По счастью, скорость была небольшая, и никто не пострадал. Кроме херни, которая помялась.

Но наша колымага, и так с трудом передвигавшая колеса, после этого наотрез отказалась заводиться.

Арабские мужики столпились возле раскрытого капота. К ним пошли Дима и Марк. У Димы, единственного на весь

автобус, был фонарик. А Марк когда-то работал механиком в гараже.

Мы вытащили рюкзаки из салона и уселись на большие камни у дороги. Над головой был купол из ярких звезд. Я никогда не видела таких. Где-то вдаль угадывались очертания гор и белая полоса огней. Там, наверное, какой-нибудь город, и до него можно дойти пешком? Молодая арабка, немного говорившая по-английски, объяснила, что это мираж, и на самом деле город очень далеко, можно идти несколько дней через пустыню, и так до него и не добраться.

Пришел Марк. Он присел на корточки рядом с нами, посмотрел в небо и закурил.

– Ремень генератора лопнул. Запасного у них нет – сказал он, выдыхая дым в звезды.

– И что это значит? – спросила я.

– То, что эта куча металлолома сама больше никуда не поедет. Только на эвакуаторе.

– Во бля... – высказались вдруг тихая Рита. – А ближайший город где?

– Непонятно. Связи нет. Или деньги, наконец, кончились... – проговорил Дэн, глядя в экран планшета.

Мы молча сидели на рюкзаках посреди пустыни и курили, глядя на небо и иногда – на пустую трассу. Вокруг были только небо и ночь, темная и тихая.

Когда что-то замигало вдаль, мы решили было, что это опять мираж.

Но пространство вокруг нас оживилось и хрипло запричитало: «*arabea*», «*arabea*».

– Смотрите, там машина, машина! – закричал Ян, и бросился на дорогу. Лия еле удержала его и отругала.

И через некоторое время возле нас действительно остановился большой ободраный пикап. Из пикапа вылезли два молодых парня. Они оживленно говорили с обступившими их пассажирами. Мы тоже подошли к машине, сиюсь понять хоть что-нибудь из их беседы.

– Ох ты йо... – раздалось за спиной. Я обернулась – Ася с любопытством разглядывала что-то в кузове пикапа.

Пассажиры расступились, и водитель быстро заговорил, показывая рукой на нас.

Один из парней, в белой майке что-то спросил у Димы на арабском. Видимо, Димина борода вызвала доверие. Дима в ответ развел руками.

– Мы туристы, застряли тут – сказал по-английски Дэн. Парень замотал головой – он явно не понял.

– *Divers? Techno-divers?* – раздался тут голос Аси. Она вышла вперед к парням.

Парни ошалело покивали.

– *Tanks... Ээээ... Ballons.* Спарки – продолжала Ася, показывая на кузов и улыбаясь.

– *U sportsmens? Divers?* – спросил белая майка.

– *Surfers. Kite-surfers* – радостно сияя, ответила Ася.

– *Ah. U go D*****d?* – спросил парень. – *We... Эээ... Go*

*D****d.* – и он по очереди обвел указующим жестом себя, своего попутчика, машину и синюю даль, в которой уже занимался рассвет.

– *Sea? You go to the sea?* – дошло, наконец, до Дэна. – Они, по ходу, на море едут.

– Ну да, и нас зовут с собой – сказала Ася.

– *Sea! Баар! Д****д! Go?* – нетерпеливо спросил белая майка.

– Вы как хотите, а я *go* – сказала Ася, закидывая рюкзак в кузов.

– Нет, блин, здесь останемся. Любим, знаешь ли, ночью на обочине посидеть, покурить... – проворчал Дима, залезая следом за ней.

– *Attention! Device!* – обеспокоенно сказал нам второй парень.

– Окей-окей, *understand!* – успокоила его Ася – Пацаны, аккуратнее там, полный кузов снаряги, не сломайте чего, а то фиг расплатимся.

Пол в кузове был застелен полосатым ковром. Мы кое-как распихались между ящиками со снаряжением. Я практически оказалась при этом на коленках у Дэна. Он вроде не возражал. Впрочем, я тоже.

За горами медленно поднималось солнце.

Машинка хрюкнула и покатила в наступающий день.

Баар

13

Один раз, очнувшись от тяжелого дорожного полусна, я вдруг увидела новые горы. Беспорядочное нагромождение света и тени, будто парящее над землей. Холодно, очень холодно, а впереди небо.

– Эй, мы, кажется, приехали – голос Аси, еще через пару часов. Пыльная улица, серые одноэтажные домики. Заборы, через которые кое-где свешивается зеленая ветка дерева, давая понять, что там, за забором, все по-другому и идет своя особенная жизнь. Там еще не проснулись. И не помышляли о том, что можно ехать всю ночь в кузове с железными баллонами в направлении моря.

Южный город вне времени. Кажется, я уже все это видела. Быть может, в кино.

Наши парни-арабы куда-то делись. Мы постояли у машины, и, не дождавшись их, взяли вещи и пошли вперед по улице. Улица упиралась в море.

Над сонной набережной носилась молитва и тихий звон дверных колокольчиков, бившихся на ветру. Они висели у входа в лавку с деревянными верблюдами. Лавочка только открылась, и сонный курчавый парень подметал перед ней

мостовую, напевая себе под нос.

У самой кромки моря были несколько кафешек. Из них пахло яблочным табаком и ладаном. Официанты поливали водой набережную перед своими кафе, и улыбаясь, иногда переговаривались друг с другом. За их спинами лежало море. Оно сонно дышало и ворочало зелеными волнами. Оно было как большой, временно смирный зверь.

– Баар, – улыбаясь, сказал нам сонный хозяин лавочки, указывая на него рукой.

В кафе не было стульев, и мы уселись на кожаные подушки. Они были немного влажные, и низкий стол от влаги покоробился на углах. Седой хозяин принес нам кофе и долго расспрашивал кто мы и откуда приехали. Он рассказал, что напротив нас полицейское управление, дальше по берегу есть иностранная школа серфинга, а в лавочке с верблюдами работает его племянник и там можно дешево достать гашиш.

Дедушка, улыбаясь, ушел, а мы пили кофе с видом на полицейское управление. Этому зданию было много десятков лет. И оно, и чашки, из которых мы пили, и подушки, все было старым, обшарпанным и поношенным. Такими бывают домашние вещи, которые помнят с раннего детства и которыми потом всю жизнь дорожат.

– Надо бы что-нибудь съесть.

– Но сначала что-нибудь покурить.

– А вообще неплохо было бы где-нибудь жить.

Ветер уносил наши слова в горы. А мы продолжали сидеть. Потому что Баар, большой зверь, ласково смотрел зелеными глазами прямо в глаза, и никуда не отпускал. Мы уже поняли, что здесь главный – не люди, не ветер, и не полицейское управление.

– Давайте встретимся здесь через час – сказал Дэн, с трудом оторвав взгляд от Баара и посмотрев на свой навороченный Ролекс.

– Угу – сказали все и тоже посмотрели на Дэна. Кроме него, часов ни у кого не было.

В конце концов, мы договорились с седым хозяином, оставили рюкзаки в кафе и пошли каждый туда, куда ему больше всего хотелось пойти.

Я пошла вдоль моря по набережной. Ее давно не ремонтировали, кое-где были довольно приличные ямы, а бетонное ограждение своим видом напоминало улыбку веселого бомжа, у которого зубы через один.

А еще кое-где на ней стояли витые железные фонари с плафонами. Стекла давно вылетели, а железо было от ржавчины темно-ржим. Остатки плафонов качались и скрипели

на ветру.

Через дырки в ограждении хлестал волнами Баар, он смешил цвет и был в этот час ярко-синим.

Есть мне не хотелось, курить тоже, разговаривать с кем-то тем более.

Набережная сворачивала за угол, огибая мыс. На этом мысу, на скале, стоял старый маяк. Тоже весь ржавый и завышающий какими-то своими частями на ветру. Людей на нем не было, и вид у него был заброшенный. Под набережной, у самой кромки моря, валялось два старых деревянных стола и большой зонт, тоже из полинявшего от соли и солнца дерева. В песок была воткнута вывеска. Картонная середина из нее была выдрана. Баар смотрел сквозь нее на набережную, как любопытный глаз, или как удивленная картина, убежавшая из рамы.

Ветер на этом углу дул немилосердный. Я расправила руки, как крылья, и наклонилась вперед, как бы ложаюсь на ветер, но испугалась, потеряла равновесие, и упала.

– *Trust it! Trust the wind!* – раздалось рядом.

Я оглянулась. На остатках ограждения сидел парень, и наблюдал за моими разборками с равновесием.

– Доверяй ветру, говорю. И тогда сможешь летать. Ну вот, смотри, показываю.

Парень неспеша встал, вышел на угол и встал рядом со мной. Он закрыл глаза, расправил руки и медленно подался вперед всем телом. Постепенно он стал касаться набе-

режной только кончиками разбитых кроссовок.

– Ну и чего смотришь? Пробуй давай.

Я посмотрела вниз, на бетон. Ушибленное колено напомнило о себе.

– Слушай, у меня так не получится.

Парень вздохнул и взял меня за руку.

– Расслабься. Я поймаю, если что. Тебе просто нужно почувствовать, что ты веришь ветру. Он здесь сильный, и это легко.

Я закрыла глаза и развела руки в стороны. Парень чуть потянул меня вперед. И я почувствовала, как поток сопротивляется моему падению. Постепенно я все больше опиралась на ветер, и парень отпустил мою руку. Скрип фонарей и маяка, звук ветра и бьющейся о берег воды вдруг выстроились в мелодию, с четким рисунком и ритмом. Это была песня о времени, о людях, тех, кто приходил и уходил, и о море и горах, которые оставались, о вечности, которая здесь жила, и немного обо мне, потому что, оказавшись здесь, я стала частью этой местной вечности.

Постепенно ветер начал чуть-чуть стихать. Почувствовав это, я качнулась назад, и, поняв, что твердо стою на земле, открыла глаза.

– Ты слышала Песню – сказал парень. Он опять сидел на раздолбанном заборе и улыбался.

– Песню?

– Ну да. Песню Баар. У тебя было такое лицо, как будто ты

ее слышала. А знаешь, тебе повезло. Не все могут слышать Песню и летать с первого раза.

Я села рядом с ним, и закурила.

– «Клеопатру» куришь? Ну ты даешь! Мы это называем *Kill you patra*. Патра – это «быстро» по-нашему – усмехнулся парень. На вид ему было лет пятнадцать, он был высокий и смуглый. Он очень сносно говорил по-английски. Я протянула ему сигарету. Он отрицательно мотнул головой в ответ.

Я затынулась «Клеопатрой». Мы молчали. Баар пел.

– Ты давно здесь? – спросил парень.

– Часа три.

– И где ты живешь?

– Пока нигде.

– Я Самир.

Я назвала свое имя.

– Мне пора идти – отец меня на рынок послал, а я тут с тобой залип. Сейчас уже постояльцы проснутся, а завтрака нет...

– У вас отель что ли?

– Да какой нафиг отель, ты вокруг-то посмотри. Гест-хаус для серферов. Доллар ночь, два – если с завтраком. Хочешь, пошли со мной, посмотришь – Самир скептически окинул меня взглядом – Жить у нас не предлагаю, ты не серфер и вообще девочка. А у нас душ на улице. Но хоть папа при тебе не будет сильно ворчать.

Город

15

Мы пошли пыльными улицами вглубь городка. По дороге я заметила несколько заброшенных домов и магазин с выбитыми стеклами и ржавой вывеской.

– Самир, а почему их бросили?

Самир остановился посреди улицы, попросил сигарету и задумчиво закурил.

– Здесь когда-то была война, лет двадцать назад. В смысле, в стране была, здесь нет. Здесь вообще ничего не было. Ни электричества, ни домов, ничего. Жили несколько семей рыбаков в шалашах на берегу. Они ни с кем не воевали, и даже толком не знали, что люди там, в большом мире, не поделили между собой. А потом сюда стали приходить люди, уставшие от войны. Они здесь все сами сделали, своими руками. И долго жили сами по себе, без правительства, без полиции. Правительство было так занято своими делами, убийствами и разрушением, что и не заметило появления Д****да. Его, говорят, долго и на картах-то не было. И дороги сюда не было тоже. Все, что нужно, делали сами, или возили морем и верблюжьими тропами через горы. Здесь было еще несколько свободных городов, про ко-

торые никто не знал. Говорят, в горах до сих пор есть один или два... Папа говорит, тогда было хорошее время. Лучшее. Люди, уставшие от войны, всегда говорили тихо и не запирали своих домов. Даже на детей не кричали. И никогда не говорили про войну.

Самир стоял, прислонившись спиной к серому бетону стены, и задумчиво смотрел на море, видневшееся сквозь пролом.

– А что было потом? Что-то плохое?

– Да... Война кончилась, и кто-то рассказал правительству про Д***д. Сюда прислали чиновников. Они приехали из разоренной страны и увидели наш город. Они захотели, чтобы Д***д стал похож на города, откуда они приехали. Города ненависти. На их дурацкие города – других-то они никогда не видели...

Самир достал из пачки вторую сигарету и стал чиркать старой зажигалкой, отворачиваясь от ветра. Она долго не срабатывала.

– Ну и чего дальше-то?

– Подожди... – и мне пришлось ждать вечность, пока Самир зажжет свою сигарету. Видимо, во время курения ему было проще сосредоточиться на английском.

– Чиновники попытались ввести здесь свои правила. Но это были глупые правила, они делали жизнь только сложнее и хуже. Поэтому им никто не следовал. Потом случилась какая-то плохая история – главному чиновнику пригляну-

лась одна девушка здесь. Он стал ее помогать. Я не знаю точно, что произошло, но это была плохая история... Этот чиновник куда-то делся. Говорили, пошел ночью пьяный купаться, и утонул. Тело не нашли – Баар забрал. Через неделю сюда приехали военные. Жителей Д****да кто-то предупредил, и они ушли из города, бросив все. Некоторые вернулись потом, и нашли руины – солдаты все разнесли и разграбили, даже фонари вон сломали. Д****д нанесли на карту, сюда провели дорогу и прислали полицейского комиссара. Те, кто еще хотел здесь жить, встали на учет в полицию. И снова построили свои дома и вырастили деревья. Опять сами. Заборы вон, видишь какие поставили – раньше не было такого. Ну, как папа говорит.

– А папа твой – он из тех, из первых? Кто устал от войны?

– Э, нет – Самир усмехнулся – Папа был первым полицейским комиссаром, которого прислали сюда смотреть за городом. Он что-то там нагрубил своему начальнику, или ослушался приказа, и его сюда как бы сослали из столицы, с глаз долой. Его страшно здесь не любили вначале. А потом он подружился с одной семьей. Они приняли его, как сына – папа тогда молодой очень был. Он полюбил их дочь, маму мою, и женился на ней. После этого его хотели отозвать в столицу. А он не стал возвращаться, взял и уволился со службы. Вот так.

Я тоже закурила. Баар тяжело дышал за оградой, как будто, слушая эту историю, пережил все заново.

– Пойдем уже, а?

– Пойдем. Слушай, а у вас в кемпе много туристов?

– Здесь вообще нет туристов – с некоторым раздражением пояснил мне в очередной раз Самир – Только серферы и еще люди, уставшие от войны. Только те, кто знает про это место от других, которые знают про это место.

– А разве война здесь еще идет?

– Война во всем мире идет. В основном в головах. Это самая страшная война. Ну, так папа говорит – Самир протяжно сплюнул на дорогу – Мне эти, с войной в башке, не нравятся. Да и ты держись от них лучше подальше. Хотя среди них много иностранцев. Может, есть и твои... Но пока в себя не придут, от них надо держаться подальше нормальному человеку.

– Почему?

– Потому что чужое несчастье – как болезнь, им легко заразиться.

Мы завернули за очередной пыльный угол и вдруг оказались у ворот кемпа. Над ними красовалась поблекшая вывеска: «*The Flying Kangaroo*».

– Летающий кенгуру? – усмехнулась я.

– Да, так меня мама называет... Называла... раньше. Не важно. Эй пап! Пап, *салям!*

За воротами располагался большой зеленый двор. Посреди двора стояла беседка. Ее тростниковая крыша напоминала растрепанную волосатую голову. В беседке, в плетеном

кресле сидел красивый высокий старик. А рядом, в гамаке, болтался беззаботного вида парень в полицейской форме. На столике между ними был небольшой изящный кальян и две стеклянные кружки с чаем. В неподвижном воздухе стоял сладковатый запах дыма.

Красивый старик сдвинул брови и с достоинством кивнул мне. Парень в форме смутился, поспешно вылез из гамака и сделал грозное лицо. Лицо, правда, вышло скорее обиженным, а сцена – уж очень смешной, я с трудом удержалась.

– Это господин Хассан, наш новый комиссар. Здесь их каждые два года меняют, только имена успевай запоминать... – вполголоса сказал мне Самир. – Пошли, я на кухню, покажу тебе все по дороге.

В моей комнате в «Летающем Кенгуру» были кровать, вешалка и все. Комната, чтобы не засиживаться в комнате. Дом, чтобы не оставаться дома. Я кинула рюкзак в угол и прилегла на пять минут.

Проснулась я часа через три. На улице было уже темно. По всему двору светились цветные огоньки. Это были светильники странной формы, напоминавшие кривоватые груши. Стеклоанная основа была обклеена осколками плитки и керамики разных цветов.

– Эти лампы один бедуин делал. Старенький совсем и странный – Самир откуда-то возник и заметил мой интерес – То неделями пропадал где-то, то вдруг появлялся, целыми днями бродил по набережной и говорил всем *Welcome!* Он подбирал на стройках и на пляже всякий плиточный и стеклянный мусор, складывал в свой мешок, говорил, что у красивых осколков обязательно должна быть новая жизнь, надо просто придумать, как собрать их вместе правильно. Он много странного говорил, его считали... Ну, типа божьим человеком. Кормили, дарили одежду, деньги... Он в ответ улыбался и бормотал что-то, или просто говорил *Welcome!*

Самир рассказал, как однажды дед забрел в чей-то двор. Хозяйка вышла к нему, усадила, принесла поесть. В углу, среди мусора, дед увидел старую стеклянную вазу. Он спро-

сил хозяйку, почему она выкинула ее. Женщина засмеялась и говорит: да ты посмотри на эту рухлядь, вся мутная, кривая, да еще и с трещиной – она же уродливая, не место ей в моем доме. Дед попросил принести ему клей и свечу. Хозяйка только плечами пожалала, думала, хочет починить, да разве можно починить такой страх?.. Но клей где-то достала, и свечу, и принесла. Дед сидел во дворе до вечера, шуршал в своем мешке, головой качал. Хозяева про него уже забыть успели. Когда начало темнеть, он постучался в дом, позвал хозяйку, ее детей взял за руки и повел к дереву, под которым сидел весь день. Подошли – на ветке висит сверкающий огонек, качается на ветру и от него цветные искры разлетаются по земле. И будто не просто отблески от стекла, а сама Радость танцует по двору. Дети стали хлопать в ладоши и кричать: «Новый год, новый год!». Хотя на дворе июль был. А хозяйка аж прослезилась. Как, говорит, ты, колдун, такое чудо сделал из той старой страшной посуды? Ну дед ей залепил в своем репертуаре: настоящая, говорит, красота часто только для тех, кто сумеет ее разглядеть.

– Учись, говорит, глядеть, женщина, увидишь, как много красоты в твоём доме, которую ты выносишь на помойку... Такой вот был странный дед, да. Но у нас странных много, увидишь еще...

– А почему был? Умер?

– А кто его знает... Ушел опять в свою пустыню, и так с прошлой весны в городе не показывался. Может, и помер.

Жалко, очень добрый был... Говорят, судьбу верно предсказывал. Но только тем, кого сам выбирал. Некоторые ему деньги за это предлагали, он посмеивался и уходил. А мог человека посреди улицы остановить и рассказать ему всю его жизнь... Пошли в чилл-аут чай пить, сейчас народ подтянется.

В чилл-аут вскоре «подтянулась» седая дама лет шестидесяти. Сухая, элегантная, с правильными чертами лица и ярко-голубыми глазами, она могла оказаться в равной степени как арабкой, так и итальянкой или француженкой. Дама кутала хрупкие плечи в широкий шелковый шарф. Самир почтительно обращался к ней «мадам Хасна».

После довольно путанного представления мы, наконец, разобрались, на каком языке друг с другом разговаривать – мадам Хасна, оказалось, помимо арабского, свободно владела несколькими европейскими.

– Самир, ты представляешь, у меня в доме завелась мышь! Я ее вчера видела, – сказала мадам Хасна на прекрасном английском.

Самир задумчиво почесался.

– В магазине у Абдаллы, рядом с мостом, продается мышиный клей. Очень хорошо помогает!

– Клей? – удивилась мадам Хасна – а как он помогает?

– Ну, известно как, – развел руками Самир, – мышь приклеивается к полу, не может бегать, и в конце концов умирает от голода.

– От голода... – содрогнулась мадам Хасна, – а другие средства есть?

– Ну да, у Мухаммеда в лавке, на рынке, есть мышиный

порошок. Правда, гарантию я бы не дал, мыши умные пошли, не каждая его есть станет.

– А что случится, если вдруг съест? – настороженно спросила мадам Хасна, явно предчувствуя недоброе.

Недоброе, впрочем, тут же и последовало:

– Ну, порошок выжжет ей внутренности, и мышь помрет, медленно и мучительно...

– О, нет, не надо, не хочу, чтобы у меня в доме кто-то мучительно помирал... – перекосилась мадам Хасна. – Может, можно ее как-нибудь... Ну, просто выгнать?

– Заведите кота, – предложила я.

– Так он ее съест? – мадам Хасна зябко закуталась в шарф, звякнув тяжелым браслетом на тонкой сухой руке.

– Вы маленького заведите. Он никого не съест, а мышь почувствует его запах, испугается и уйдет.

– Слушайте, а это мысль... Спасибо! Самир, не знаешь, где можно взять маленького кота?

– Не волнуйтесь, достану я вам кота. самого лучшего кота! Прямо завтра! – торжественно пообещал Самир. – пойду кальян, пожалуй, принесу.

– Я из Бейрута, и французский – мой второй родной язык – сказала мадам Хасна, когда Самир ушел – а остальные пять пришлось выучить по необходимости...

– Мадам Хасна была фото-моделью! Она работала в Париже, и вообще весь мир объездила. А муж у нее... – вос-

торженно включился вернувшийся Самир.

– Да, будущий муж увидел мое фото на обложке модного журнала, и вбил себе в голову, что должен на мне жениться... Сколько раз ты слышал эту историю, Сами? И все она тебе не надоест... – мягко улыбнулась она.

– И он разыскал ваш телефон! – Самир устроился поудобнее, и принялся раскуривать кальян.

– Да, подкупил кучу людей, – смеялась мадам Хасна.

– А вы чуть не отказали ему во встрече, но вдруг передумали!

– Да, мало ли сумасшедших мне звонили... Но было что-то в его голосе, что заставило меня пойти на свидание...

– А потом замуж! Хоть он был некрасивый!

– Нет, был. Он не был красивцем, как актер или певец.

Но мне никогда не нравились ни певцы, ни актеры...

– «Красивый» и «красавец» разве не одно и то же?

– Нет, Сами, это совсем разное.

– Ну пусть – мой английский хуже, чем ваш...

– Твой английский достаточно хорош, чтобы понять разницу – усмехнулась мадам Хасна.

Мы молча курили кальян, слушая цикад и приглушенный шум моря.

– Штормит... – задумчиво сказал Самир. – А вы все-таки ходили сегодня плавать, мадам Хасна?

– Да, как обычно – до мостика и обратно.

Я прикинула в уме расстояние. Примерно два километра.

– Надо нам будет собраться опять на рыбалку.

– Да. Или пойти на мост кальмаров ловить с фонариком – сказала мадам Хасна. И, мастерски выпустив кольцо дыма, добавила – Главное, чтобы этот новый комиссар не пронюхал...

– Да с ним все в порядке уже – уверенно сказал Самир.

– Точно?

– Сто процентов.

Мадам Хасна затянулась и вдруг рассмеялась так, что подавилась дымом:

– Вспомнила, как мы ловили кальмаров с Фэ.

Самир тоже усмехнулся:

– Да, помните, я ей кальмара бросил, чтоб в корзину убрала, а она как завизжит...

– Ага, а ты ей: «Тихо!» – на весь Д*****д. А Фэ тебе, еще громче: «Он же ползает!». И как отшвырнет его – обратно в море! – хохотала мадам Хасна.

– Ага. Кальмар такой, прыгает на нее по набережной – совсем ошалел от света, а она визжит!.. И как пнет его в воду! Я ее потом месяц Гринписом дразнил – улыбнулся Самир – Фэ – это сестра моя, Фарида – сказал он, повернувшись ко мне. – Всю ловлю тогда испортила! Нам пришлось с моста убежать, пока кто-нибудь не пришел и не увидел.

– Веселая была рыбалка, – улыбнулась мадам Хасна, глядя на дым.

– Самая веселая... – тихо сказал Самир куда-то в небо. Он

лежал, откинувшись на подушки чилл-аута и скрестив руки за головой.

– Мадам Хасна? – произнес он после долгой паузы.

– Да?

– Вы правда хотите ловить кальмаров?

– Да, очень хочу.

– Давайте в среду пойдем. В среду будет отличная погода для кальмаров.

– Хорошо.

Мы снова молчали. И только ночь пела над головой.

– Пойду я домой, пожалуй, темно совсем, – произнесла мадам Хасна.

– Спокойной ночи, мадам Хасна. Вас проводить?

– Нет, спасибо, Самир. Спокойной ночи. И не забудь про кота!

– Не забуду, я же обещал. К вечеру будет вам кот, приходите.

Аристократичный силуэт мадам Хасны медленно таял в сумерках. Она обернулась и помахала нам от ворот. Мне послышалось, как тяжелый браслет снова звякнул у нее на руке.

У некоторых людей очень сложные лица. Вроде ничего такого в них нет, но вот мелькнет выражение – и покажет насквозь весь их характер. Удивительные лица, редкие лица.

Та женщина, которую я пыталась рисовать сегодня в кафе, была иногда очень похожа на овцу. Это ее лицо я пыталась поймать третий час, забыв про остывший суп, и вообще про все забыв. В конце концов тетка расплатилась и ушла, а у меня так ничего и не вышло. Я в досаде скомкала листок и бросила на стол. Ветер подхватил его и понес.

– Ух ты, прикольно! Зачем выкинула? – сказал Памба, который его поймал у самого входа.

– Да ничего не прикольно, – озлилась я на мир, – овца вертлявая, и руки еще дрожат.

– Гы, а я ведь ее знаю, и правда овца реальная. Что с руками, это после утра что ль? – довольно ослабил Памба

– Ну да.

– Но тебе хоть понравилось?

– Офигенно было.

И несмотря на боль во всем теле, дрожащие руки, покоцанные колени, килотонну проглоченной морской воды – мое третье утро на серфе реально было офигенным.

Памба и Кот – чуваки, с которыми я познакомилась в чилл-ауте у Сами, сегодня потащили меня в море на риф.

Два дня до этого мы тренировались у берега «в пене». Точнее, тренировалась я. Коту с Памбой быстро надоедало стоять в воде по колени и дурными голосами орать: «гребни-вставай!», и примерно минут через двадцать они усаживались под навесом курить и обсуждать знакомых девок.

– А мы тебе все показали, дальше просто вопрос практики, – сказал Памба, когда я с возмущением подошла к ним.

– Че вышла-то? Давай назад. Пока не поедешь, отсюда не уйдешь, – мрачно добавил Кот.

Еще минут через тридцать я снова вылезла из воды – я реально задыхалась, захлебывалась и ничего уже не соображала. Бросив доску у самой кромки прилива, я уселась на нее, с ненавистью глядя в море.

– Ну и че сидим, хлюпаем? Силы кончились, да? А не надо с морем бороться – ты ему противник не равный – рядом со мной сел Кот с бутылкой пива. Холодная бутылка, по запотевшему боку которой стекала вниз тяжелая капля, как магнитом притягивала взгляд. Кот посмотрел на меня, и сделал самую жестокую вещь на свете – с наслаждением из нее отхлебнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.